

МУЗЕЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

С ПРИСТРАСТИЕМ ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ПРОШЛОЕ: «АД» И «РАЙ» СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ В СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЙНЫХ НАРРАТИВАХ*

Игорь Алексеевич Морозов,
Ирина Семеновна Слепцова (Кызласова)
(I_Kyzlasova@mail.ru)

Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия

Цитирование: Морозов И.А., Слепцова И.С. (2020) С пристрастием вглядываясь в прошлое: «ад» и «рай» советской эпохи в современных музейных нарративах. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(5): 195–224.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.8>

Аннотация. Представлены результаты исследования активно развивающейся в последние десятилетия категории частных музеев, посвященных советскому прошлому. Авторами изучено более 50 отечественных и зарубежных музеев, среди которых выделяется несколько типов: музеи СССР, музеи советского (социалистического) быта, индустриальные музеи, музеи и музеифицированные пространства, использующие советскую символику в рекреационно-развлекательных, просветительских и коммерческих целях. С целью выявления специфики этих музеев и мотиваций их создателей исследованы современные способы музеификации истории повседневности и достижений эпохи СССР, принципы отражения в музейном пространстве советской идеологии и политических репрессий, проанализированы новые тенденции их осмысления. При помощи интерпретативного подхода и дискурс-анализа изучены содержательная специфика экспозиций музеев этого типа, в том числе характерные для них макропропозиции и принципы фреймирования, идеологическое наполнение, которое во многом определяет музейный контент, типы музейных дискурсов и транслируемых нарративов, состав интерактивов и иных практик, осуществляемых в музейном пространстве. Особое внимание уделено модусу дискурса, т.е. эмоционально-стилевой его составляющей, которая позволяет осуществлять неформальное общение в пространстве музея в рамках возникающего на основе личных воспоминаний общего коммуникативного поля, в результате чего диалог между экскурсоводом и посетителями становится лично ориентированным. Результаты исследования показывают, что мотивацией создания подобных музеев может быть не только ностальгия по советскому прошлому или изживание перенесенных травм в период

* Статья подготовлена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

репрессий, но и попытки освоения наследия советского прошлого, адаптации его отдельных элементов к реалиям сегодняшнего дня. Анализ музейного дискурса позволяет определить каналы и способы трансляции основных идеологем и выявить факторы, влияющие на формирование актуальной политики памяти. Используются материалы полевых исследований авторов, проведенных в 2020 г., а также информация из СМИ и интернет-источников.

Ключевые слова: советское прошлое, музеи СССР, политика памяти, войны памяти, музеефикация «советского», советские идеологемы, ностальгия, историческая травма, освоение советского наследия.

Тема советского прошлого в последние десятилетия занимает все больше места в экспозициях российских и зарубежных музеев, что часто интерпретируется как форма социальной ностальгии (см., например: Зборовский, Широкова 2001; Абрамов 2012). Как представляется, это свидетельствует о том, что настало время беспристрастного осмысления этого уже достаточно отдаленного исторического периода. Возникает потребность в анализе значения социальных и культурных форм, связанных с советской эпохой. Демонстрацией этого стало значительное количество публикаций, посвященных различным аспектам социальной и культурной жизни, повседневному быту (см., например: Козлова 2005; Купина, Михайлова 2009; Орлов 2010; Юрчак 2014; Лебина 2015; Ilic M., Leinarte D. 2016; Васькин 2018; Зубкова 2019), а также специализированные проекты в СМИ (сериал «Намедни 1961–2003: Наша эра» 1998–2003; ток-шоу «Красный проект» 2020 и др.) и в музейном формате (см., например: Абрамов 2013; Манохина 2018; Махаев 2019; Coffman 2013). Целью статьи является изучение разных типов музеев, посвященных советской эпохе, при этом мы сосредоточимся на небольших частных и семейных музеях, что позволяет рассмотреть как официальные, так и неофициальные трактовки советского образа жизни, которые можно расценивать как проявление общественных настроений. Мы ставим перед собой задачу выяснить причины актуализации этой проблематики в разных сообществах, мотивацию создателей этих музейных пространств и специфику репрезентации в них советского прошлого. Будет проанализирована идеологическая составляющая музейных нарративов, во многом определяющая музейный контент и связанные с ним практики.

В статье использованы материалы полевых исследований авторов, проведенных в 2020 г. в ряде музеев Московской и Владимирской области, в том числе включенное наблюдение и полуструктурированные интервью, а также информация из СМИ и интернет-источников.

Советское прошлое между «адам» и «раем»

Советский проект был основан на утопической идее всеобщего равенства и благоденствия, идее коммунизма, поэтому будущее в представлении советских людей всегда предстало как идеальное и прекрасное «светлое будущее» (Геллер, Некрич 1982; Вайль, Генис 1998; Булдаков 2012). Это понятие включало в себя как достижения в социальном устройстве, так и технологический и культурный прогресс («гармоничное общество»), а также создание «нового человека» — человека будущего. Именно эта устремленность в будущее и готовность пожертвовать ради него настоящим — одна из главных идеологем советского времени. Особенность современного восприятия будущего состоит в том, что оно уже не осознается как идеальное и безопасное пространство и нередко рассматривается в рамках апокалиптических сценариев (Тоффлер 2004; Jameson 2007; Horn 2018). Граждане постсоветских государств, испытавшие потрясения постперестроечных преобразований, воспринимаемых ими как политическая и социальная катастрофа (Шляпентох, Шубкин, Ядов 1999), ощущают дихотомию «прошлого» и «будущего» так, как описывает его З. Бауман в своей «Ретротопии» — при помощи метафорического образа «Ангела Истории» П. Клее, который «разворачивается от прошлого к будущему» под напором шквального ветра, дующего «из воображаемого, предвосхищенного, заранее пугающего ада будущего в сторону рая прошлого» (Бауман 2019: 15). Можно сказать, что «прошлое и будущее здесь меняются местами: теперь будущее наполнено тревогой и страхами, и это заставляет искать точку опоры, место безопасности и комфорта в прошлом» (Старовойтенко 2019: 131).

В отличие от конструкта З. Баумана, в музеях СССР эта дихотомия может актуализироваться в символическом прошлом, где «ад» и «рай» встречаются в едином пространстве. Этому способствует тот факт, что в сформировавшемся дискурсе о советском прошлом выделяются как минимум два направления его интерпретации. Одно из них связано с утвердившимся во время перестройки и в первые годы после падения СССР подходом, который основывается на трактовке советской истории как процессе разрушения и уничтожения дореволюционных достижений Российского государства и попрания ценностей, характерных для европейской цивилизации. Основной акцент при этом смещается на ужасы революции и Гражданской войны, а также следовавшей за ними колоссальной ломке всего социально-экономического уклада и сопутствующим ей процессам коллективизации, индустриализации, политических репрессий, голоду и иным негативным явлениям, связанным с огромными чело-

веческими жертвами. Например, выставка «Даешь социализм!» в Архангельском краеведческом музее, согласно анонсу на сайте, «посвящена одному из самых трагичных периодов в истории страны — периоду строительства социализма в нашей стране, периоду репрессий» (Выставка «Даешь социализм!» 2020). При несомненной важности этого подхода для понимания логики исторических процессов советского времени очевидны его тенденциозность и односторонность.

Вторым направлением презентации советского прошлого в музейных пространствах, получившим широкое распространение к началу второго десятилетия XXI в., можно считать официальный дискурс, ориентирующийся на достижения советской эпохи. Ему соответствует, например, проект реконструкции при участии государственного финансирования ленинского мемориала в Ульяновске с трансформацией его к 100-летию образования СССР в культурно-туристический кластер «Музей СССР». Планируется на площади в 120 гектаров в центральной части города разместить «музеи, связанные с жизнью Ленина, историей СССР, различными достижениями советского времени» (Сафронова 2013). Музеи с подобным контентом стали активно возникать в преддверии 100-летия Октябрьской революции, хотя первые из них появились еще в начале 2010-х годов. Достаточно «официозным» выглядит «Музей СССР» в Сочи, расположенный в популярном месте отдыха и предлагающий широкую панораму жизни советских граждан от экспозиций школьного класса, промтоварного и продуктового магазина до типичного квартирного пространства (кухня, гостиная, спальня) (Музей СССР в Сочи 2020). В Музее «Легенды СССР» (Каменск-Шахтинский Ростовской области) основной акцент делается на советском автопроме и технике, хотя часть экспозиции посвящена и другим сторонам общественного и домашнего быта от стендов с портретами передовиков и наградными знаменами и вымпелами до домашних интерьеров (музей «Легенды СССР»... 2019). В «советском стиле» с соответствующей символикой и атрибутикой выдержано и оформление номеров входящего в музейный комплекс отеля (Отель «Легенды СССР»... 2020).

В целом для музеев советского времени, создаваемых в последние годы, характерным является более взвешенный и сбалансированный подход, в рамках которого основной акцент делается на достижениях советской эпохи в социальной, культурной и научно-технической сферах. При этом обычно не оставляются без внимания и негативные процессы, сопутствовавшие этим грандиозным преобразованиям. Так, в новосибирском «Музее СССР» ««Мир прошлого» располагается на трех этажах, включая подвальное помещение. Первый зал находится в мрачном под-

вале, в котором когда-то находилось НКВД. Затем вы попадете в зал, где полностью воссоздан быт типичной советской квартиры, а из него сразу попадете в “Ленинский уголок”, где повсюду стоят бюсты вождей СССР, а на стенах висят плакаты с надписями о марксизме-ленинизме» (Еремина 2019). При этом стремление к подобному балансу демонстрируют даже те музеи, в которых первоначально преобладал лишь один из компонентов. Так, создатель курганского музея «Сделано в СССР», где основную часть экспозиции составляют бытовые вещи советской эпохи, рассказывает о планах «открыть в музейной экспозиции еще два помещения: комнату НКВД и кабинет чиновника» (Лопатина 2019).

В последнее десятилетие получили распространение и небольшие, как правило, частные музеи или экспозиции в городских или районных краеведческих музеях, посвященные советскому прошлому, которое представлено в виде коллекций предметов повседневного быта этого периода. В этих музейных презентациях «советского» в большинстве случаев отсутствует идеологическая составляющая, на первый план выходят эмоционально окрашенные воспоминания создателей этих музейных экспозиций о недавнем прошлом (см.: Смирнов 2016: 17–24). «Советское» транслируется не через коллективную и социальную, а через индивидуальную и автобиографическую память. Например, во время экскурсии в семейном музее «Сказка» хозяйка музея рассказывает об отце и деде, включая в свой нарратив эпизоды с их политическим преследованием в советское время (Матросова 2013). В данном случае советское прошлое во всей своей противоречивой сложности органично включено как в семейную историю, так и в музейный нарратив.

В других случаях история родителей, которым посвящена музейная экспозиция, излагается на фоне их трудовых достижений в советское время, окрашивая музейный нарратив нотками ностальгии. Важной частью экспозиции являются наградные и почетные грамоты, вымпелы, газетные вырезки, бюсты вождей, собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, как это происходит, например, в семейных музеях П.Н. Крылова (д. Матвеево Парфеньевского района Костромской области) и В.И. Агишева (пос. Липки Одинцовского района Московской области) (Морозов, Слепцова и др. 2019: 844–848).

Советское прошлое в музейном пространстве: экспозиции, нарративы и практики

Содержательная специфика музейных пространств может репрезентироваться разными способами. При этом ключевую роль играют три компонента: экспозиция музея в целом, способы экспликации содержа-

щихся в ней смыслов (визуальный, предметный, вербальный нарративы) и типы разворачиваемых в пространстве музея дискурсов и практик. Важное значение имеет также макропропозиция, т.е. наиболее общий смысл, заложенный в данном музейном пространстве, включая оценочную (идеологическую) составляющую. Она может быть выражена явно, как в «Музее СССР» в Сочи: «Добро пожаловать в детство!» (Музей СССР в Сочи 2020), или в описании основных целей и установок на сайте музея советского быта «Сделано в СССР» в Екатеринбурге: «Без политики, без ярлыков и шаблонов, через повседневные предметы, которые сейчас уже стали артефактами, мы вместе запустим механизм счастливых воспоминаний» (Музей советского быта «Сделано в СССР»... 2020), или как в интервью с одним из создателей «Подземного музея социализма» в пригороде Вильнюса: «Мы хотим воссоздать социализм и похоронить его навечно» (Лапинская, Аблингис 2010). Но может быть и скрыта для прямого прочтения и эксплицироваться в ходе различных дискурсивных практик.

Экспозиции

Для оценки репрезентации советского прошлого необходимо в первую очередь рассмотреть способы конструирования экспозиций. Выделяются два основных типа, которые в значительной мере определяются характером музея и возможностями его организаторов. Первый тип можно условно назвать «стихийным». Он наиболее характерен для спонтанно возникающих музейных пространств, создаваемых в частных квартирах или подворьях непрофессионалами, а потому несет на себе следы эклектики, смешения разных идей и смыслов и обычно основан на предметных нарративах. То есть каждая представленная в экспозиции вещь в определенном смысле самодостаточна, за ней нередко закреплены те или иные личные или семейные истории. Поэтому репрезентация смыслов советского прошлого в этом случае осуществляется через демонстрацию вещного ряда той эпохи. Показательным является домашний музей СССР семьи Божедомовых (Благоевщенск), в котором представлена размещенная на стеллажах в общем коридоре коллекция вещей, относящихся к эпохе Советского Союза (Азанова 2019).

«Стихийность» и «эклектика» в той или иной мере присущи и музеям более высокого статуса. Однако большинство из них, которые можно отнести ко второму типу, при выстраивании экспозиции, связанных с советским прошлым, предпочитают выделять отдельные тематические зоны, которые можно определить как фреймы. Например, в екатеринбургском музее, согласно аннотации на сайте, представлены «комната советской

семьи, где можно примерить цветастые олимпийки и поиграть на гитаре, сесть за стол и выучить уроки», «квартира пенсионерки, где в уютном кресле можно полистать журнал “Здоровье” или книгу мод 1956 г., сфотографироваться на фоне плюшевого ковра с оленями», «“Красный уголок”. Здесь вы увидите портрет Ленина на стене, на столе “Капитал” К. Маркса и Ф. Энгельса, пионерские галстуки и школьную форму и многое другое» (Музей советского быта «Сделано в СССР»... 2020). Нетрудно заметить, что выделяемые зоны включают в себя как приватное (семейное), так и общественное (публичное) пространство. Набор фреймов в разных музеях существенно варьируется. В одних случаях, когда макропропозицией является «домашний быт советской семьи», количество «комнат» может увеличиваться в соответствии с числом ее членов (Текун 2020) и включать общее домашнее пространство — гостиную, прихожую, кухню, туалет (Колодкина 2017; Королькова 2010). В домашних музеях, и в том случае, если «советское прошлое» составляет часть экспозиции краеведческого музея, фрейм может обозначаться как «квартира» или «комната» (ср., например, экспозицию в Усть-Илимске) (Колсанова 2019).

Отметим, что макропропозиция иногда обозначается в названии музея: «социалистический быт», «советский быт», «реликты и образы советской эпохи» и др. Но советская повседневность может актуализоваться и в музейном дискурсе, как, например, в частном хабаровском компьютерном музее, где представлена коллекция различной техники советского периода от пишущих машинок и первых компьютеров до магнитол, радиоприемников и кинопроекторов. Для организатора музея А. Дунаевского каждый предмет связан с воспоминаниями о детстве и юности, которые, по его признанию, «были счастливыми». В нарративах хозяина музея упоминаются важные детали, характеризующие советскую повседневность. Например, в рассказе о ламповом телевизоре с крошечным экраном, который «смотрело всей семьей поколение, выросшее в коммуналке, используя специальную линзу», или о керогазе, с которым ассоциируется нелегкий быт советской коммунальной квартиры, где «нешуточные страсти кипели возле плиты» (Савченко 2013).

Коммунальная квартира относится к разряду тех советских пространств, где личное оказывалось неразрывно связано с публичным (Утехин 2004; Митрофанов 2019). Неудивительно, что этот локус, воспетый Владимиром Высоцким («Все жили вровень, скромно так, — // Система коридорная, // На тридцать восемь комнаток // Всего одна уборная») (Высоцкий 1997: 305) особо выделяется в ряде музеев СССР, как отечественных, так и зарубежных. Общественные пространства советского времени представлены по-разному. Это могут быть застенки

НКВД и кабинет чиновника (Еремина 2019; «Меня это заряжает»... 2019), школьные классы и красные уголки (Музей СССР в Сочи 2020; Savčuka 2019). Или как в «Подземном музее социализма», где диапазон представленных общественных пространств значительно шире: ленинская комната, комнаты допросов НКВД и КГБ, карцер, вытрезвитель, больничная палата и зубоучастный кабинет, квартира рядового гражданина СССР, советская столовая и магазин времен СССР и др. (Požeminiis socializmo muziejus 2011). В Музее СССР в Калужской области помимо квартиры с мебелью конца 1950-х — начала 1960-х годов воссозданы школьный класс и пионерский уголок с соответствующими атрибутами (Музей СССР. Этномир 2020).

Одним из развивающихся направлений презентации советской эпохи являются музеи, основной контент которых составляют технические достижения Советского Союза. Это могут быть так называемые индустриальные музеи, моделирующие производственные пространства с рабочими местами и оборудованием (Посмотрите... 2019), гаражи с ретроавтомобилями (Музей советского автопрома 2020), коллекции различных приборов и техники. Подобные компоненты могут включаться в экспозиции практически всех музеев СССР, в том числе зарубежных (Pastāvīgā ekspozīcija “Padomju gadi” 2020). И наоборот, многие индустриальные музеи включают в свои экспозиции артефакты, относящиеся к общественному и домашнему быту (Память об общем прошлом... 2015). «Музей индустриальной культуры — удивительное место, где пулемет “Максим” мирно соседствует с детскими игрушками, а первые ЭВМ — с упаковками из-под молока» (Косова 2013).

Нарративы

Переходя к следующему компоненту, обеспечивающему репрезентацию содержания музейного пространства, т.е. к способам экспликации содержащихся в ней смыслов при помощи нарративов различного типа, необходимо обратиться к понятию дискурса. Дискурс возникает в процессе проблематизации этого пространства. При этом важную роль играют *топик*, *формат* и *модус* дискурса, где топик — это содержание дискурса, выраженное в тексте, формат — его ситуативный аспект, а модус — эмоционально-стилевая составляющая, соответствующая типу социального взаимодействия и каналу общения (Карасик 2015: 73–79). В контексте анализируемых нами музейных практик «топиком» являются экспозиции, рассматриваемые как культурный текст (например, предметы быта, мебель, одежда, фотографии, документы), а также иные элементы (например, название музея), которые обладают конвенциональными значениями, соот-

носимыми с фоновыми знаниями и прецедентными текстами. Эти имплицитные смыслы (*имплицитурь*) (Grice 1975: 43–58; подробнее см.: Макаров 2003: 83–85) в процессе коммуникации легко считываются носителями определенного культурного кода и фактически обозначают культурную рамку, которой структурируется данное музейное пространство.

Как для создателей музеев СССР, так и для их посетителей наиболее значимым топи́ком оказывается «домашний быт», представленный в виде фреймов «жилая комната», «кабинет», «кухня», «коммуналка», которые в музейном дискурсе могут получать разное наполнение. Например, «комната» заселяется жильцами с определенной историей жизни, что отражается в сопровождающих экскурсию нарративах. «Кухня» представляет собой общее пространство для всех жителей виртуальной «квартиры», в том числе коммунальной, а «коммуналка», как, например, в музее «Назад в СССР» (Звенигород), может быть представлена одной комнатой. «Это комната в коммунальной квартире, сразу послевоенная. Здесь у нас живет женщина, может быть, муж вернулся с войны. Ну, это уже все додумывают сами. Просто говорим, что составляло интерьер комнаты в коммунальной квартире: буфет для посуды, шкаф для одежды, железная кровать и то, что скрашивало быт — плюшевый или гобеленовый коврик. <...> А вот здесь у нас живет офицер, поскольку здесь атмосфера военная больше. У нас тут и сапоги, и “денщик” для снятия грязных сапог. Ну и у военного, поскольку они были более обеспеченными, уже мог стоять телевизор КВН-48. <...> А здесь живет мужчина 1960-х годов. У него уже стоит телевизор Рекорд-12. Это 1959 год, в Воронеже выпускали, черно-белый цвет, две программы всего. Но это была роскошная вещь. И наш мужчина тоже типичен, он закончил простую сельскую школу с аттестатом зрелости и получил право поступать во все институты Советского Союза» (ПМА 2020; С.В. Устюгова).

Вторым важным топи́ком является «детство». Этот концепт соединяет в себе представления об эпохе, связанные с коллективной памятью, и индивидуальные воспоминания о самом прекрасном периоде жизни. «Музей мне понравился, потому что действительно все по-доброму. И я это своим детям хочу показать. У меня этот музей с моим детством связан. В детстве все у нас прекрасно и хорошо. И тут вот прямо этот дух сохранился» (ПМА 2020; М. и Ж.). Это ощущение во многом определяет модус дискурса и активизирует общий опыт участников коммуникации. Важную роль при этом играет предметный нарратив, представленный различными вещами, маркирующими детство, от игрушек до школьных принадлежностей. В контексте советского детства особое значение приобретает пионерская и комсомольская атрибутика, фотографии и плакаты с изо-

бражением различных общественных практик: собрания пионеротряда, деятельность тимуровских команд, сбор металлолома, отдых в пионерлагерях, демонстрирующих представления о счастливом братстве детей. «Для этого сюда и пришли. Две причины: вспомнить свое детство, прекрасное время, в значках, в марках и во всем, и показать детям» (ПМА 2020; М.). Инициаторами посещения музея могут выступать и сами дети, которые хотят побольше узнать о времени, когда их родители были маленькими. «В этот музей меня затащила моя тринадцатилетняя дочь. Это она начиталась в интернете про интересный музей в Сочи-парке и захотела туда сходить, чтобы посмотреть на бытность моего детства. И я ей очень благодарна, музей супер, окунает в беззаботное детство, первые дискотеки и лихие 90-е» (Birina 2018).

Третьим топиком являются различные презентации общественного быта. В музее пос. Ракитное Белгородской области первый зал оформлен как «Ленинская комната», в которой представлена советская атрибутика того времени и документы, свидетельствующие о трудовых достижениях (Музей «Назад в СССР!» Белгород 2020). Другие фреймы, относящиеся к этому топик, могут называться «Красный уголок», «Кабинет руководителя» или «Кабинет НКВД», «Школьный класс», «Магазин», «Доска почета» и др.

Меньше представлен топик «Великая Отечественная война», отражающий травмирующий опыт нескольких поколений советских людей. Отчасти это объясняется хронологическими рамками, которыми ограничиваются большинство музеев рассматриваемого типа — они охватывают в основном послевоенный период. Поэтому специальные экспозиции (например, «Сталинградская битва» в музее «Капсула времени» в Благовещенске) (В бомбоубежище Благовещенска... 2020) в них встречаются редко. Обычный способ презентации этого топика — коллекции различных вещей и документов, отдельные образцы воинской формы, оружие, экземпляры военной техники как времен ВОВ, так и послевоенного периода (Лопатина 2019; Музей СССР в Сочи 2020. Фотогалерея; Музей «Назад в СССР!» Белгород 2020). В музее «Легенды СССР» в Каменске-Шахтинском, наряду с оружием, средствами связи времен войны и боевыми наградами, важное место в экспозиции отведено легендарной «полторке» ЗиС-5, лендлизовскому «Виллису» и мотоциклам той поры (Подольская 2019). В некоторых музеях эта тема обозначается символически, например новогодним подарком 1943 г. в виде кулька с пайком черного хлеба и кусочком сахара, поскольку «такой экспонат лучше любого учебника расскажет, как жили в военные годы» (Дронина 2020).

Формат дискурса определяется составом участников процесса коммуникации, а также их статусом, что обуславливает форму общения (неофициальную, полуофициальную, официальную) и типы используемых модусов и нарративов. Во многих музеях формат зависит от общей концепции, как правило, обозначенной в названии. «Подземный музей социализма» изначально ориентирует посетителя на inferнальный образ советского прошлого. К этому же отсылают и темы предлагаемых в нем экскурсий: «1984. Драма выживания», «Вернуться в СССР — без стресса!». Совсем другие интенции содержат названия «Легенды СССР» и «Сделано в СССР», апеллирующие к достижениям советского времени. Устремленность советского общества к высоким идеалам отражает название «Энергия мечты», а ностальгию и желание вновь оказаться в прошлом — «Назад в СССР» и «Билет в СССР».

Модус дискурса, т.е. эмоционально-стилевая его составляющая, в целом определяется форматом, но в значительной степени зависит и от индивидуальных установок участников акта коммуникации. В большинстве российских музеев ядром общения является позитивное восприятие советского прошлого, основанное на воспоминаниях детства и юности. Показателен анонс «Музея СССР» в «Этномире»: «Наш музей рассказывает не об истории Союза, а скорее о его символике и предметах быта. Для многих это — мир положительных эмоций. Здесь папы и мамы, дедушки и бабушки с удовольствием рассматривают мир, в котором они жили. Музей СССР — уникальное место, где каждый совершает путешествие в еще недалекие, но уже забытые 60-е — 70-е — 80-е годы XX века» (Музей СССР «Квартира»... 2020). Позитивная семантика «советского» в пространстве музея выражается в слоганах «мир положительных эмоций», «уникальное место», «светлое прошлое» и т.п. При этом посещение музея описывается как «путешествие» или «погружение в прошлое», что, например, можно увидеть в следующем отзыве, озаглавленном «Мое путешествие в детство»: «Цель создания музея СССР — это не рассказывать об истории советской эпохи, а воссоздать атмосферу того времени, чтобы каждый посетитель смог окунуться в светлые советские годы» (SunKiss 2018). Метафора перемещения во времени может отражаться и в названии, как, например, в благовещенском музее «Капсула времени» (В Благовещенском бомбоубежище... 2020), или озвучиваться в аннотации на сайте: «Как машина времени, наш музей перенесет вас во времена недалекого прошлого и оживит самые яркие и теплые воспоминания из вашего детства или молодости» (Музей советского быта «Сделано в СССР»... 2020).

В этом контексте закономерна дефиниция музея «Назад в СССР» (Звенигород) как «предметно-интерьерно-атмосферного», поскольку соз-

дание музея вызвано желанием «вернуться в то настроение», «окунуться в атмосферу прошлого» (ПМА 2020; С.В. Устюгова). Форму «душевного общения» приобретает и коммуникация в целом, при которой помимо вербального используется как визуальный, так и предметный нарратив. Этому способствуют «коммуникативные встречи», когда посетитель сталкивается с хорошо знакомыми ему вещами. В случае возникновения общего коммуникативного поля на основе воспоминаний диалог между экскурсоводом и посетителями становится лично ориентированным, когда важно «не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на собеседника, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир адресата» (Карасик 2002: 202).

«Эмоциональная реакция — это состояние и тела, и души» (Телия 1996: 112), поэтому вполне ожидаемым оказывается использование в откликах посетителей понятия «душа»: «И в этом музее есть моя душа», «Экспонаты с душой и своей историей», «И сам музей, и его владелец оставляют очень приятное и душевное впечатление», «Душа поет» и т.п. Авторы и хозяева музеев тоже часто говорят о том, что они в них «вложили душу», т.е. внесли в них частичку самих себя, что вполне соответствует культурно-языковым значениям понятия «душа» (Шмелев 2005: 131–152), истолковываемом также как «духовное, моральное и эмоциональное ядро человека и некий внутренний театр, в котором разворачивается его моральная и эмоциональная жизнь» (Вежбицкая 2001: 17). Это значит, что мы здесь сталкиваемся с «игрой в прошлое», часто с элементами автокоммуникации, когда люди напрямую общаются с вещами из экспозиций и выражают свои чувства в виде эмотивных высказываний или реплик.

Практики

Актуализация музейной макропропозиции наиболее эффективно происходит при помощи различных интерактивов и включения в музейное пространство точек активности: фотозон, кафе, ретродискотек, просмотр фильмов советского периода и т.п. Большинство музейных интерактивов имеют форму ролевых игр. Важным фактором возникновения музейного дискурса представляется познавательно-дидактический аспект внутримузейных коммуникаций. Виктор Федоров, организатор выставки «Назад в СССР» в Малоярославце, говорит: «Здесь вещи, которые были у наших родителей. Молодежь это увидит, может заинтересуется, поспрашивает, посмотрит в интернете, как эти вещи работали, как мы ими пользовались. Для детей эти вещи — настоящая экзотика. Элементы интерьера прошлого века они снимают на современные цифровые фото-

аппараты» (Музей «Назад в СССР»... 2017). Для младшего поколения «путешествие в прошлое» представляется увлекательным и познавательным квестом, в ходе которого «детям и школьникам, безусловно, будет интересно узнать, почему арифмометр называют прадедушкой современного калькулятора, как раньше появлялись на свет фотографии, кто и зачем носил пионерский галстук» (Музей советского быта «Сделано в СССР»... 2020).

Иногда некоторые предприятия, позиционируя себя как музей, предлагают вниманию посетителей коллекции советских вещей, которые при желании можно приобрести. «В Перми открылся музей-магазин “СССР”. Здесь можно купить предметы, так или иначе связанные с бытом, учебой и работой советского периода. В магазине-музее собраны эксклюзивные вещи, которых в мире остались лишь единицы. Посетив его, вы вдруг вспомните: “Ой, а у меня такая же швейная машинка в детстве была!” или вздохнете: “Эх, было время...”» (Семилейская 2020).

Специального разбора требует комплекс практик, осуществляемых в музее «Арткоммуналка» (Коломна) (Музей-резиденция «Арткоммуналка»... 2020). Здесь одной из основных форм работы являются разнообразные квесты, сценарии которых создаются всей командой музея с помощью приезжающих по специальным российским и зарубежным грантам «резидентов» (литераторов, художников, фотографов) и ставятся при помощи профессиональных режиссеров. Популярностью пользуется ролевая игра «Квест на коммунальность», во время которой посетители делятся на четыре «семьи», каждая «поселяется» в комнату (коридор, шкаф). В сценарий входит посещение домоуправляющей, которая проверяет «порядок в квартире», угадывание советских песен и назначения вещей советского времени, а также задание узнать, заходил ли кто-нибудь к жильцам в комнату. Не выполнившие задание «выселяются» в «менее престижное» место, победителей же, напротив, поощряют дополнительными квадратными метрами. При этом гости примеряют на себя роль человека, живущего в коммунальной квартире, используя для этого элементы одежды (тельняшка, фуражка, халаты), которые служат маркерами социального положения (ПМА 2020; А.А. Осипов).

Некоторые из квестов имеют ситуативно приуроченный характер. Например, во время выставки «Коломенский конструктивизм», устроенной в санузле «Арткоммуналки», музеем проводилась квест-прогулка, посвященная конструктивизму. Кроме того, после обзорной экскурсии и квеста в музее проходят чаепития за столом на кухне коммуналки, во время которых гостей угощают сухками и конфетами фабрики «Рот-фронт». Угощением обычно заканчивается и новогодний квест (ПМА

2020; А.А. Осипов). Элементы театрализации включаются и в ходе экскурсии по квартире. Ведущий использует ситуацию, когда сталкиваются две группы посетителей, чтобы в игровой форме воспроизвести атмосферу на коммунальной кухне. «На кухне фотографируются другие гости. Наш гид с места в карьер начинает с ними “соседские” разборки: “А кто это в туалете свет не погасил, а? А мне платить, да!? Манька, к тебе снова гости пришли, небось из моего холодильника пряники поедят снова...”. Ребятам весело, теряются от неожиданности» (Камо27 2017).

Совершенно другой набор практик, который определяется установками строителей музея и их отношением к советскому прошлому, представлен в «Подземном музее социализма» (Литва). В музее, расположенном в бывшем военном бункере, наряду с квартирой советского человека представлено общественное пространство того времени (Подземный музей социализма... 2020). «В этом бункере с прошлой зимы по нынешнюю посетителям предлагали почувствовать себя гражданами СССР так, как это представляли себе организаторы музея: надевали пионерские галстуки, давали попробовать хлеб узников ГУЛАГа, переодевали в телогрейки и заставляли работать на морозе под надзором “тюремщиков НКВД”» (Edukaciniai spektakliai moksleiviams 2020). Аналогичный музей в подземном бункере открыт и в Латвии, на территории реабилитационного центра «Лигатне» в Видземе. В ходе экскурсий по нему сотрудники одеваются в военную форму советских времен, и основной акцент делается на описании ожесточенного идеологического и военного противостояния великих держав во времена холодной войны, на идеологизированности советского быта. Для иллюстрации непростой жизни советских граждан в маршрут включены столовая с типичным советским меню, а также различные атрибуты советской эпохи и предметы быта (Padomju slepenais bunkurs 2017).

В объятиях прошлого: музейное пространство как поле битвы идеологий

Рассмотрим процесс музейфикации «советского» в более широком контексте. Р. Абрамов предлагает при анализе этого явления учитывать два основных фактора: ностальгию и травму, при этом указывая, что инициаторами «музейфикации позднего “совка”» стали «люди, которые были детьми и подростками на излете советской эпохи» (Абрамов 2013: 101). Наши исследования показывают, что, помимо этого, существует ряд других групп, проявляющих интерес к этой проблематике и имеющих при этом очень разную мотивацию. Кроме «ностальгирующего» пост-

советского поколения, которое знает о советском прошлом по рассказам своих близких или по его визуальным образам, транслируемым в кино и СМИ, среди создателей музея присутствуют представители идеологически ангажированных сообществ, которые либо считают Советский Союз эталоном идеального социального устройства, либо расценивают его как историческую ошибку и репрезентируют в музейном пространстве травматический опыт советского прошлого. Еще одну группу составляют те, кто в советском прошлом видит в первую очередь свое детство со всеми присущими этому периоду жизни позитивными эмоциональными переживаниями. Для этих людей идеологическая составляющая не является особо ценной. Для некоторых взрослых и детей подобные музеи — лишь своеобразные «путешествия» в экзотическое фантазийное пространство. Для них это своего рода ролевая игра, которая часто сознательно облачается в форму квеста.

Отдельную группу составляют музеи, создатели которых встраивают советское прошлое в различные практики, связанные с современными арт-проектами («Арткоммуналка» в Коломне или Музей Чебурашки в Москве). В этом случае даже идеологическая составляющая может осмыслиться в рамках различных бизнес-компонентов, которые являются структурообразующими для такого типа музеев. Нельзя не упомянуть и использование советского прошлого в сугубо коммерческих проектах, как, например, Ретро-склад (Владимир), Музей-магазин СССР (Пермь), ресторан-музей «Спецбуфет и кофейня СССР» (Александров), создание которых базируется на усилении интереса к советскому и связана с попыткой его коммерциализации. В музейных пространствах такого типа идеология содержится в латентном виде от макропропозиции до отдельных фреймов.

Из этого можно сделать вывод, что создание музеев СССР продиктовано не только ностальгией, но и более сложной потребностью «разобраться с прошлым». Иногда это фобии и страх перед его возвратом, как в прибалтийских музеях. В других случаях — потребность ощутить связь с предшествующими поколениями. А иногда это просто любопытство, «жажда путешествий во времени», желание узнать что-то новое. И даже если прошлое воспринимается с иронией, что можно, например, ощутить, увидев надпись «Наш совок» на совке для сбора мусора в Санкт-Петербургском музее социалистического быта, оно не может быть просто отринуто хотя бы потому, что «совок» — «наш». Попробуем рассмотреть этот музейный дискурс как поле битвы различных идеологий, использующих идеологемы «светлое прошлое» — «счастливое детство» — «война с советским прошлым» — «освоение прошлого».

Первые две идеологемы, несмотря на внешнее сходство, принципиально различны по содержанию. Странники «светлого прошлого», как правило, убеждены в том, что советский строй, при всех его издержках, представлял собой достаточно сбалансированную социальную систему с равными возможностями и правами всех граждан. Важными аргументами здесь являются системы образования, здравоохранения, социального обеспечения, а также «доступный уровень цен» на основные товары жизнеобеспечения. Ссылки на товарный дефицит обычно опровергаются указанием на действительно невероятно тяжелую историю СССР с революцией и двумя разорительными войнами, а также на практически непрерывную внешнюю блокаду, затруднявшую нормальное экономическое развитие. Музеи, использующие эту идеологему, акцентируют внимание на социальных, научных, технологических достижениях Советского Союза с особым вниманием к масштабным стройкам первых пятилеток и послевоенного периода, освоению космоса и ядерной энергии. Советский быт в этой макропропозиции — это повседневность «строителей социализма (коммунизма)», совершающих трудовые подвиги для всеобщего блага, невзирая на все трудности и лишения. Эта идеологема позволяет легко включать фреймы «Великая Отечественная война» или «Комната молодого человека, участника строек социализма».

Идеологема «счастливое детство» основана на ином послыле. Обычно он выражается в слогане «быт индивидуальный и общественный без идеологии», предлагая взгляд на советское прошлое как на «погружение в детство». Подобный ход психологически мотивирован, поскольку детство действительно, как правило, индивидуально внеидеологично, хотя антураж из пионерских галстуков, вымпелов и знамен отряда, нередко подкрепляемый бюстами вождей и фотографиями пионерских линейек и собраний отряда, неизбежно отсылает к советской идеологии. Основная специфика такого музейного формата проявляется в реакциях посетителей музеев, которые в первую очередь готовы обсуждать элементы экспозиции, напоминающие им о собственном детстве, и, как правило, уклоняются от прямого обсуждения их идеологической составляющей. Типичная реакция на вопрос об этом: «Ну, так уж было в то время принято». Макропропозицией в музеях, использующих эту идеологему, является «(счастливое, советское) детство», а основное содержание дискурса — воспоминания о нем, инициируемые как предметными нарративами (здесь очень важны коллекции игр и игрушек), так и коммуникативными встречами, в ходе которых посетители узнают знакомые им с детства советские реалии. С этой макропропозицией хорошо сочетаются различные бытовые

фреймы от «коммунальной квартиры» до «комнат» отдельных членов семьи. Достаточно избирателен в этом случае и выбор общественных пространств, который обычно ограничивается реконструкцией школьного класса и пионерского уголка.

Музеи, опирающиеся на идеологему «война с советским прошлым», в большинстве случаев фреймируют советскую повседневность с упором на общественное пространство, обычно представленное в довольно неприглядном и даже пугающем виде. Основная цель устроителей — демонизация советского прошлого, дискредитация достижений СССР. Например, при демонстрации элементов системы образования обращается внимание на ее догматизм и зашоренность. Несовершенство системы здравоохранения демонстрируется при помощи устаревшего оборудования. Особо выделяются темы ущемления прав граждан и политических репрессий, что иллюстрируется тюремными камерами (как в Музее ГДР в Берлине) или пыточными НКВД. Дополнительные негативные смыслы возникают и при проведении различных акций и интерактивов в этих музеях, например, демонстрацией видеоматериалов с показом мест расстрела заключенных. Поскольку, как и в предыдущем случае, факты здесь тщательно препарируются, удаляются все нежелательные элементы, то можно говорить о своеобразном «стирании» прошлого.

Идеологема «освоения прошлого» исходит из посыла, что все лучшее из опыта предшествующих поколений должно быть усвоено и переработано, приспособлено к реалиям сегодняшнего дня (Глуценко, Кагарлицкий, Куренной 2012: 17). Совершается процесс своеобразного апсайклинга (Морозов, Слепцова 2017: 109–122), когда отдельные элементы «советского» встраиваются в современные контексты. В музее «Назад в СССР» (Звенигород) нам встретился молодой человек, дизайнер по профессии, увлеченно изучавший экспонаты с целью применения их визуальных образов в своей деятельности. В Музее советского быта (Александров) к экскурсии присоединился подросток, который, по словам работников музея, стал их постоянным посетителем и регулярно приходит, чтобы познакомиться с выставленными образцами советской техники. Понятно, что этими людьми, как и многими коллекционерами вещей советского периода, руководит не ностальгия, а исследовательский интерес и возможность использования старых вещей в современной жизни. Частью этого процесса является и артификация прошлого (Морозов, Слепцова и др. 2019: 819–829), что видно по музеям советского автопрома, в которых автомобили советского периода оказываются ценными коллекционными экспонатами. Другим направлением освоения прошлого является музей «Арткоммуналка» (Коломна), где советский модерн в виде коммунальной

квартиры оказывается контейнером для различных постмодернистских артпроектов.

Вместе с тем этот подход часто приводит к трудно устранимым противоречиям в смысловой подоплеке музейных экспозиций, когда музейное пространство, например, оформляется как супермаркет, ориентированный на человека общества потребления (музеи в Сочи, Казани, Каменск-Шахтинском и др.), что совершенно противоречит основным установкам советского времени. Отчасти этот же парадокс проявляется и в специализированных музеях советских автомобилей, по своему внешнему облику зачастую не отличающихся от современных автосалонов, что отмечают многие посетители.

Если говорить об используемых в музеях советского прошлого способах трансляции идеологического содержания, то необходимо отметить апелляцию к понятиям «домашний уют», «равноправие», «возможности» (например, в образовании), «безопасность», «защищенность» (в том числе военная мощь СССР), «технический и научный прогресс». Или «бедность», «неустроенность», «репрессии», «подавление инакомыслия», «оккупация» — в музеях противоположной направленности. Компонентом визуального нарратива является цветовая эстетика «советского», передаваемая различными оттенками красной и желтой (золотистой) гаммы. Такое цветовое решение применяется для экспозиции общественных пространств. В музеях домашнего быта акцентируются только цветные элементы в отдельных вещах: настенный ковер, покрывало, модное платье или шляпка и т.п. Советский быт предстает неброским, но уютным, плотно вписанным в ритм повседневной жизни. В музеях с иной идеологией он обычно серый, унылый и затрапезный, заполненный старыми и малоутилитарными вещами. Очень важно телесное «приобщение к прошлому» при помощи тактильных контактов, в том числе возможность примерить одежду из экспозиции (это может быть и военная форма, и мундир надзирателя ГУЛАГа).

Активно используется ольфакторный канал коммуникации, когда посетителям предъявляются образцы советской парфюмерии, а сами они часто выражают свое отношение к увиденному, говоря о том, что «это запах детства, здесь пахнет как у бабушки» (ПМА 2020; интервью в Музее советского быта, Александров) или «мне не очень понравилось: и запах какой-то неприятный, и какое-то все убогое, и грусть осталась какая-то после посещения» (AngelaZakharova 2019). Большое значение имеют акустические образы эпохи. Детям часто предлагается воспользоваться музыкальными инструментами пионерии — горном и барабаном. Используются и другие звуковые сигналы от боя курантов до звона будиль-

ника и звука лагерной сирены. Отсюда и изобилие различной звуко-воспроизводящей аппаратуры, при помощи которой экскурсоводы демонстрируют не только технические достижения, но и советскую музыку, шлягеры и танцевальные мелодии, сопровождающиеся предложением станцевать вальс или твист. Голоса Вертинского, Галича, Высоцкого, Окуджавы, Магомаева, Пугачевой помогают создавать музыкальную ауру советского времени, в том числе и отсылая к диссидентской среде. «Духи “Красная Москва”, патефон, бобинный магнитофон с песнями легендарной группы “The Beatles”, пластинки Аллы Пугачевой и “Песняров”, вымпелы и противогазы и много других экспонатов посетители смогут не только рассмотреть вблизи, но и взять в руки, ощутив неповторимый дух советской эпохи» (Музей советского быта «Сделано в СССР»... 2020).

Многие музеи включают в свои экскурсии в качестве интерактива различные способы приобщения к советскому кулинарному коду. Так, в завершение экскурсии может устраиваться небольшое застолье с традиционным советским блюдом (например, сосисками с картофельным пюре и зеленым горошком) или чаепитие с блинами или сушками. Аналогичную функцию выполняют и встроенные в пространство музея имитации советского общепита, например пельменной с соответствующим меню, как в музее «Назад в СССР» (Звенигород). Эти приемы используются в музеях разной идеологической направленности, в том числе и в «Подземном музее социализма» и Парке Грутас (Литва), где работают «советские столовые». «Вся посуда — аутентичная, с тех времен. Самые ходовые — котлеты тех времен и советский борщ» (Тарасенко 2016). Желание дать возможность посетителям ощутить «вкус и запах эпохи» декларируется на сайтах подобного рода музеев и в экскурсиях. Вкусовые ощущения призваны закрепить общее впечатление от увиденного, завершить формирование образа «советского» в сознании посетителей.

Различные кинестатические приемы, включая переодевание и предоставляемые возможности воспользоваться вещами из экспозиции (например, писать перьевой ручкой сидя за советской партией), активно используют метафоры «погружения (окунания)», «путешествия (квеста)», «возвращения в прошлое». Вызываемые при этом ощущения могут быть и позитивными, и негативными. Например, в «Подземном музее социализма» (Литва) школьников, переодетых в ватники, заставляют заниматься муштрой, бегать под команды надзирателя и даже испытывать телесные наказания за проступки. Все это, наряду с реальным погружением в темный, плохо освещенный бункер и картинами убогого советского быта, представленными в экспозиции, должно вызвать естественное отвращение

к эпохе социализма. «Люди старшего поколения не хотят вспоминать те времена. Они отправят сюда своих детей, которые не жили в советское время, или тех, кто что-то помнит и возвращается в свою молодость, но видит, что она уже не вызывает ностальгию, поскольку является жуткой реальностью» (Лапинкас, Аблингис 2010).

В коломенской «Арткоммуналке» способом, который должен, по мысли организаторов музея, связать советское прошлое с настоящим временем, является прием, позаимствованный, вероятно, из «Хроник Нарнии»: посетителям предлагают войти в старинный платяной шкаф — и они оказываются в другом пространстве, в большом лекционно-выставочном в зале, предназначенном для проведения игровых мероприятий и встреч с современными художниками, фотографами и литераторами, получившими годовой грант на проживание и работу в данном музее. «И в конце экскурсии нас ожидает портал в современный мир» (Камо27 2017).

* * *

Проведенный анализ контента и идеологической направленности музеев, посвященных советскому прошлому, позволяет говорить о существенной их разнородности. При том что наблюдается некоторая общность на уровне макропропозиции и отдельных экспозиций, целевые установки создателей музеев могут существенно различаться. Они ставят перед собой задачу как ознакомления молодого поколения с образом жизни советских людей и основными достижениями СССР в различных сферах, так и развенчания этих достижений и предостережения от возможности возврата к социализму. Устроителями используются очень разные приемы трансляции смыслов с помощью выстраивания экспозиций и применения различных интерактивов, психологических приемов и языкового воздействия с обращением, например, к важному для русской лингвокультуры концепту «душа». Несмотря на идеологическое противостояние, которое наблюдается в музеях подобного типа, можно допустить, что советское прошлое в равной степени является притягательным не только для тех, кто его идеализирует, но и для тех, кто его отрицает и стремится забыть. Этот парадокс нельзя объяснить исключительно явлением ностальгии и борьбой с исторической травмой, поскольку это прошлое неизбежно присутствует в индивидуальном жизненном опыте. Учитывая тот факт, что детство, даже очень тяжелое, обычно ассоциируется с самыми позитивными эмоциями, эти воспоминания зачастую играют гораздо большую роль, чем горечь утрат и исторических обид. Об этом свидетельствуют, в частности, многие музеи социализма в бывших странах Восточного

блока (DDR Museum... 2020; Память об общем прошлом... 2015; Aizkraukles Vēstures... 2020). То, что советское прошлое может не только преодолеваться, но и осваиваться в лучших своих образцах нашими современниками, демонстрирует опыт различных музейных пространств, стремящихся использовать отдельные элементы советского прошлого в своих практиках.

Литература

Абрамов Р.Н. (2012) Время и пространство ностальгии. *Социологический журнал*, 4: 5–23.

Абрамов Р.Н. (2013) Музеефикация советского: историческая травма или ностальгия? *Человек*, 5: 99–111.

Бауман З. (2019) *Ретротопия*. М.: ВЦИОМ.

Булдаков В.П. (2012) *Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.* М.: РОССПЭН.

Вайль П., Генис А. (1998) *60-е. Мир советского человека*. 2-е изд., испр. М.: НЛО.

Васькин А.А. (2018) *Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежневе*. 2-е изд. М.: Молодая гвардия.

Вежбицкая А. (2001) *Понимание культур через посредство ключевых слов*. М.: Языки славянской культуры.

Высоцкий В.С. (1997) *Собрание сочинений в 4-х книгах. Книга четвертая. Я никогда не верил в миражи*. М.: Надежда-1.

Геллер М., Некрич А. (1982) *Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней*. Л.: Overseas publ. interchange.

Глуценко И.В., Кагарлицкий Б.Ю., Куренной В.А. (ред.) (2012) *СССР: Жизнь после смерти* М.: НИУ ВШЭ.

Зборовский Г.Е., Широкова Е.А. (2001) Социальная ностальгия: к исследованию феномена. *Социологические исследования*, 8: 31–34.

Зубкова Е. (2019) Советская жизнь как предмет исторической реконструкции *Российская история*, 5: 3–14. doi: 10.31857/S086956870006372-0.

Карасик В.И. (2002) *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена.

Карасик В.И. (2015) Интерпретация дискурса. Топик, формат, модус. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 1(96):73–79.

Козлова Н.Н. (2005) *Советские люди. Сцены из жизни*. М.: Европа.

Купина Н.А., Михайлова О.А. (ред.) (2009) *Советское прошлое и культура настоящего: в 2-х т.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.

Лебина Н. (2015) *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю*. М.: НЛО.

Макаров М.Л. (2003) *Основы теории дискурса*. М.: Гнозис.

Манохина А.Д. (2018) Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга. *Вопросы музеологии*. 9(1): 83–92. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>.

Митрофанов А.Г. (2019) *Повседневная жизнь советской коммуналки*. М.: Молодая гвардия.

Морозов И.А., Слепцова И.С. (2017) «Искусство обновления форм»: скрытые знаки традиции и ее движущие силы. *Этнографическое обозрение*, 1: 109–122.

Морозов И.А., Слепцова И.С. и др. (2019) *Логика трансформаций: региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов*. М.: Индрик.

Орлов И.Б. (2010) *Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления*. М.: ВШЭ.

Смирнов А.В. (2016) Современный музей: коммуникация или коммеморация. *Международный журнал исследований культуры*, 3(24): 17–24.

Старовойтенко А.Д. (2019) Между ностальгией и ретротопией. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11: 125–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7>.

Телия В.Н. (1996) *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: Языки русской культуры.

Тоффлер Э. (2004) *Шок будущего*. М.: АСТ.

Утехин И. (2004) *Очерки коммунального быта*. 2-е изд., доп. М.: О.Г.И.

Шляпентох В.Э., Шубкин В.Н., Ядов В.А. (ред.) (1999) *Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века (по материалам международных исследований)* М.: МНФ.

Шмелев А.Д. (2005) Дух, душа и тело в свете данных русского языка. Забияк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. (ред.) *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. М.: Языки славянской культуры: 131–152.

Юрчак А. (2014) *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: НЛО.

Coffman A.D. (2013) Houses of History and Homepages: Museums of Communism in Eastern and Central Europe and their Online Presence. *West Virginia University. The research repository*. 514. *Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports*. DOI: <https://doi.org/10.33915/etd.514> [<https://researchrepository.wvu.edu/etd/514>] (дата обращения: 12.08.2020).

Horn E. (2018) *The future as catastrophe: imagining disaster in the modern age*. N.Y.: Columbia University Press.

Ilic M., Leinarte D. (eds.) (2016) *The Soviet past in the post-socialist present: methodology and ethics in Russian, Baltic and Central European oral history and memory studies*. N.Y.: Routledge.

Jameson F. (2007) *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. L.: Verso Books.

Источники

Азанова А. (2019) Благовещенцы создали домашний музей СССР. *Моя мадонна. Газета для женщин* [<http://my-madonna.ru/article/vpered-v-proshloe--blagoveschentsyi-sozdali-domashniy-muzej-sssr>] (дата обращения: 30.08.2020).

В Благовещенском бомбоубежище появился музей (2020). *Amur.Info. Новости* [<https://www.amur.info/news/2020/05/27/173470>] (дата публикации: 27.05.2020).

В бомбоубежище Благовещенска откроется музей эпохи СССР (2020). *Амурская служба новостей* [<https://asn24.ru/news/culture/76767>] (дата обращения: 27.05.2020).

Выставка «Даешь социализм!» (2020) *Архангельский краеведческий музей*. [<https://kraeved29.ru/vystavki/daesh-socializm>] (дата обращения: 15.06.2020).

Дронина М. (2020) Сделано в СССР. Уралец создал музей советских времен у себя дома. Троицк, Южный Урал. *Chelvtv.Ru* [<https://www.chelvtv.ru/sdelano-v-sssr-uralets-sozdal-muzej-sovetskih-vremen-u-sebja-doma>] (дата обращения: 20.07.2020).

Еремина Г. (2019) Музей СССР в Новосибирске. *Туристер* [<https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/novosibirsk/museum/31402>] (дата обращения: 15.09.2020).

Колодкина Г. (2017) Музей СССР в Рязани. *Shagau.ru. Шагаем по миру* [<https://shagau.ru/2017/01/21/muzej-sssr-v-ryazani>] (дата обращения: 21.07.2020).

Колсанова Н. (2019) Сервант, торшер и трюмо... В краеведческом музее Усть-Илимска открылась выставка «Квартира периода социализма». *Сибирский характер. Новости* [<https://sibhar.ru/servant-torsher-i-trjumo-v-kraevedcheskom-muzee-ust-ilimska-otkrylas-vystavka-kvartira-perioda-socializma>] (дата обращения: 27.05.2020).

Королькова С. (2010) В Ростовской области появился музей социализма. *Экспресс газета — Online* [<https://www.eg.ru/society/16791>] (дата обращения: 20.07.2020).

Косова Е. (2013) Назад в СССР: обычные вещи в необычном музее // РИА Новости. <https://ria.ru/20130523/938977475.html> (дата обращения: 01.03.2020).

Лапинскас М., Аблингс С. (2010) Назад в прошлое: музей социализма под землей. *Delfi.ru. Литва. Общество* [<https://ru.delfi.lt/news/live/nazad-v-proshloe-muzej-socializma-pod-zemlej.d?id=31808369&rsslink=true>] (дата обращения: 04.05.2020).

Лопатина Е. (2019) «Сделано в СССР»: в Кургане появился музей для скачующих по Стране Советов. *Сетевое издание «45.ру». Культура*. [<https://45.ru/text/culture/65970201>] (дата обращения: 20.02.2020).

Матросова Е. (2013) Колодец живой воды. *Земля нижегородская* [<https://zem-nn.ru/?p=7521>] (дата обращения: 26.09.2020).

Махаев В.Б. (2019) Музеи социализма: от Чебурашки до геополитики. *Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи. Музейный проект «Возвращаясь в СССР. Реликты и образы советской эпохи»* [<http://erzia-museum.ru/ru/novosti/muzei-socializma>] (дата обращения: 01.09.2020).

«Меня это заряжает» — житель Партизанска устроил «музей СССР» в обычном гараже (2019). *Пятый канал. Новости* [<https://www.5-tv.ru/news/235640/mena-eto-zarazhaet-zitel-partizanska-ustroil-muzej-sssr-vobychnom-garaze>] (дата обращения: 11.07.2020).

Музей «Легенды СССР». Каменск-Шахтинский (2019) *Туристтер*. [<https://www.tourister.ru/world/europe/russia/city/kamensk-shakhtinskiy/museum/25502>] (дата обращения: 18.09.2020).

Музей «Назад в СССР!» Белгород (2020) *Культурный регион. Белгород. Интересные места* [<https://bel.cultreg.ru/places/150/muzei-nazad-v-sssr>] (дата обращения: 05.06.2020).

Музей «Назад в СССР» открылся в Малоярославце (2017). *Государственный интернет-канал «Россия». ГТРК Калуга. Новости* [<http://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-5525>] (дата обращения: 07.08.2020).

Музей советского автопрома (2020). *Музей советского автопрома. Иваново* [<http://museum37.ru>] (дата обращения: 15.05.2020).

Музей советского быта «Сделано в СССР» — это уникальный для Екатеринбурга проект. «Сделано в СССР» — музей советского быта. Екатеринбург [<http://ural-madeinussr.ru>] (дата обращения: 25.05.2020).

Музей советского быта. Александров (2020) *GoAleks.ru. Сайт города Александров* [<https://www.goaleks.ru/news/2622818/muzej-sovetskogo-byta-v-aleksandrove>] (дата обращения: 04.07.2020).

Музей СССР «Квартира». Этномир (Россия, Петрово) (2020). *Отзовик* [http://i6.otzovik.com/2018/10/04/7049861/img/65914848_b.jpeg] (дата обращения: 01.05.2020).

Музей СССР в Сочи (2020) *Dikar-Sochi. Отдых в Сочи и Адлере* [<https://www.dikar-sochi.ru/info/muzej-sssr-v-sochi>] (дата обращения: 21.05.2020).

Музей СССР. ЭТНОМИР — этнографический парк-музей [<https://ethnomir.ru/poasetitelyam/muzei/muzej-sssr>] (дата обращения: 01.05.2020).

Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие». Государственно-частный проект (2020). *Музей-резиденция «Арткоммуналка»* [<https://artkommunalka.com/ru/content/o-nas>] (дата обращения: 20.05.2020)

Отель «Легенды СССР» / Hotel Legendy USSR. Отзывы (2020) *Tripadvisor* [https://www.tripadvisor.ru/Hotel_Review-g2379965-d10515386-Reviews-Hotel_Legendy_USSR-Kamensk_Shakhtinsky_Rostov_Oblast_Southern_District.html] (дата обращения: 19.06.2020).

Память об общем прошлом. Открыт уникальный Ретро музей в Варне (2015) *BulgarClub* [http://bulgarclub.ru/blog/retro_museum_varna] (дата обращения: 07.07.2020).

Подземный музей социализма открылся под Вильнюсом (2020). *Ekonomika.by. Аналитика от Macrocenter. Культура и развлечения* [<https://ekonomika.by/kultura-i-stil-zhizni/razvlecheniya/podzemnyj-muzej-sotsializma-otkrylsya-pod-vilnyusom>] (дата обращения: 20.07.2020).

Подольская Е. (2019) Два зала светлой ностальгии. *Отзовик. Музей «Легенды СССР» (Россия, Каменск-Шахтинский)* [http://otzovik.com/review_9199594.html] (дата обращения: 21.07.2020).

Посмотрите на новый индустриальный музей в корпусе бывшей льняной фабрики (2019). *Strelka Mag. Журнал о том, как устроен современный город. Новости.* [<https://strelkamag.com/ru/news/posmotrite-na-novyi-industrialnyi-muzei-v-korpuse-byvshei-lnyanoi-fabriki>] (дата обращения: 15.07.2020).

Савченко А. (2013) Музей социализма Андрея Дунаевского. *Тихоокеанская звезда. Общественно-политическая газета.* [https://toz.su/newspaper/yo_raznom/muzeu_sotsializma_andreya_dunaevskogo] (дата обращения: 15.06.2020).

Сафронова И. (2013) В Ульяновске к 100-летию СССР создадут грандиозный музей советской эпохи. *RATA-news, 3416* [https://ratanews.ru/news/news_8112013_5.stm] (дата обращения: 08.06.2020).

Семилейская Т. (2020) В Перми открылся магазин советских товаров. *ТЕКСТ_новости Перми* [<https://www.chitaitext.ru/novosti/v-permi-otkrylsya-magazin-sovetskikh-tovarov>] (дата обращения: 10.02.2020).

Сериял «Намедни 1961–2003: Наша эра», автор Л. Парфенов (1998–2003 годы) [<https://www.kinopoisk.ru/series/259384/>] (дата обращения: 20.05.2020).

Тарасенко Д. (2016) 20 га советских памятников: как живет самый большой в мире музей символов СССР? *Настоящее время* [<https://www.currenttime.tv/a/27803292.html>] (дата обращения: 19.06.2020).

Текун (2020) Музей «Назад в СССР». Звенигород. *Мария Текун. Картины и книги* [<https://maryatekun.ru/muzej-nazad-v-sssr-zvenigorod>] (дата обращения: 06.06.2020).

Ток-шоу «Красный проект» (2020). *ТВЦ* [<https://www.tvc.ru/channel/brand/id/2858>] (дата обращения: 20.05.2020).

AngelaZakharova (2019) (Россия, Зеленоград). Музей произвёл неоднозначное впечатление: кому-то нравится, а кому-то совсем нет. *Отзовик. Музей «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» (Россия, Коломна)* [http://otzovik.com/review_8153349] (дата обращения: 06.05.2019).

Birina2018 (2019) Ты это... заходи, если че! Родившимся и выросшим в СССР посвящается. *Отзовик. Музей СССР (Россия, Сочи)* [https://otzovik.com/review_8503037.html] (дата обращения: 21.07.2020).

Камо27 (2017) (Россия, Москва). Оформлено с любовью и уважением. *Отзовик. Музей «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие» (Россия, Коломна)* [http://otzovik.com/review_5305370.html] (дата обращения: 28.08.2020).

Savčuka K. (2019) Музей «Советские годы» в Аижкраукле. *TravelBlog Baltic* [<http://travelblog.lv/muzej-sovetskie-gody-v-ajzkraukle>] (дата обращения: 22.07.2020).

SunKiss (2018) (Россия, Белгород). Моё путешествие в детство. *Отзовик. Музей СССР «Квартира» (Россия, Петрово)* [http://otzovik.com/review_7049861.htm] (дата обращения: 04.06.2020).

Aizkraukles Vēstures un mākslas muzejs. Pastāvīgā ekspozīcija “Padomju gadi” (2020) [<http://www.aizkrauklesmuzejs.lv/padomju-gadi>] (дата обращения: 07.07.2020).

DDR Museum. Blick in Ausstellung (2020). *DDR Museum* [<https://www.ddr-museum.de/de/sammlung/ausstellung>] (дата обращения: 07.07.2020).

Edukaciniai spektakliai moksleiviams (2020). *Soviet bunker* [<http://sovietbunker.com/pozeminis-socializmo-muziejus>] (дата обращения: 20.07.2020).

Padomju slepenais bunkurs (2017) [<http://www.bunkurs.lv>] (дата обращения: 20.05.2020).

Pastāvīgā ekspozīcija “Padomju gadi” (2020). *Aizkraukles Vēstures un mākslas muzejs* [<http://www.aizkrauklesmuzejs.lv/padomju-gadi>] (дата обращения: 01.05.2020).

Požeminis socializmo muziejus (2011). *Laikas.lt. Renginiai* [<https://laikas.tv3.lt/lt/renginiai/15825/pozeminis-socializmo-muziejus>] (дата обращения: 17.03.2020).

Полевые материалы авторов

ПМА 2020; С.В. Устюгова, экскурсовод музея «Назад в СССР». Звенигород Московской обл.

ПМА 2020; М. и Ж., ок. 35 лет, Москва.

ПМА 2020; М, ок. 40 лет, Павловская Слобода Истринского р-на Московской обл.

ПМА 2020; А.А. Осипов, администратор и экскурсовод музея «Арткоммуналка» (Коломна).

ПМА 2020; интервью в Музее советского быта, Александров Владимирской обл.

BIASED PEERING INTO THE PAST: THE “HELL” AND “HEAVEN” OF THE SOVIET ERA IN CONTEMPORARY MUSEUM NARRATIVES

Igor Morozov,

Irina Sleptsova (Kyzlasova)

(I_Kyzlasova@mail.ru)

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Citation: Morozov I., Sleptsova I. (2020) S pristrastiyem vglyadyvayas' v proshloye: «ad» i «ray» sovetskoy epokhi v sovremennykh muzeynykh narrativakh [Biased peering into the past: the “hell” and “heaven” of the Soviet era in contemporary museum narratives]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(5): 195–224 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.5.8>

Abstract. The paper presents the results of a study of the category of private museums, dedicated to the Soviet past, which has been actively developing in recent decades. The authors studied more than 50 domestic and foreign museums, among which several types stand out: USSR museums, museums of Soviet (socialist) everyday life, industrial museums, museums and museum spaces that use Soviet symbols for recreational and entertainment, educational and commercial purposes. In order to identify the specifics of these museums and the motivations of their creators, modern ways of museumification of the history of everyday life and achievements of the USSR era, the principles of reflection in the museum space of Soviet ideology and political repression have been investigated, new trends in their comprehension have been analyzed. With the help of an interpretative approaches and discourse analysis, the content specificity of expositions of museums of this type has been studied, including their characteristic macro-positions and decor principles; ideological content, which largely determines the museum content; types of museum discourses and used narratives; interactions composition and other practices carried out in the museum space. Particular attention is paid to the mode of discourse, that is, its emotional and stylistic component, which allows informal communication in the museum space within the framework of the common communicative field arising on the basis of personal memories, as a result of which the dialogue between the guide and visitors becomes personality-oriented. The results of the study show that the motivation for these museums creation may be not only nostalgia for the Soviet past or overcoming the traumas suffered during the period of repression, but also attempts to master the legacy of the Soviet past, adapting its individual elements to the realities of today. The analysis of the museum discourse makes it possible to determine the channels and ways of broadcasting the main ideologemes and to identify the factors influencing the formation of the actual politics of memory. The article uses materials from the authors' field studies conducted in 2020, as well as information about such museums from the media and Internet sources.

Keywords: Soviet past, USSR museums, the politics of memory, memory wars, museumification, 'Soviet past', Soviet ideologemes, nostalgia, historical trauma, Soviet heritage.

References

- Abramov R.N. (2012) Vremya i prostranstvo nostalgii [Time and space of nostalgia]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 4: 5–23 (in Russian).
- Abramov R.N. (2013) Muzeifikatsiya sovetskogo: istoricheskaya travma ili nostalg'iya? [Museumification of Soviet, eds past: what does it manifest — a historical trauma or nostalgia?] *Chelovek* [Human Being], 5: 99–111 (in Russian).
- Bauman Z. (2019) *Retrotopya* [Retrotopia]. Moscow: VTsYOM (in Russian).
- Buldakov V.P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast': psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni. Rossiya, 1920–1930 gg* [Utopia, aggression, power: psychosocial dynamics of post-revolutionary times. Russia, 1920–1930]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Coffman A.D. (2013) Houses of History and Homepages: Museums of Communism in Eastern and Central Europe and their Online Presence. *West Virginia University. The research repository. 514. Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports*. DOI: <https://doi.org/10.33915/etd.514>. [<https://researchrepository.wvu.edu/etd/514>] (accessed: 12.08.2020).
- Geller M., Nekrich A. (1982) *Utopiya u vlasti: istoriya Sovetskogo Soyuzs s 1917 goda do nashikh dney* [Utopia in Power: History of the Soviet Union from 1917 to the Present]. London: Overseas publ. interchange (in Russian).
- Glushchenko I.V., Kagarlitskiy B.Y., Kurennoy V.A. (red.) (2012) *USSR: Zhizn' posle smerti* [USSR: Life after death]. Moscow: NIU VSHE (in Russian).
- Grice H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole P., Morgan J.L. (eds.) *Syntax and semantics*, 3. New York: Academic Press: 43–58.
- Horn E. (2018) *The future as catastrophe: imagining disaster in the modern age*. New York: Columbia University Press.
- Ilic M., Leinarte D. (eds.) (2016) *The Soviet past in the post-socialist present: methodology and ethics in Russian, Baltic and Central European oral history and memory studies*. New York: Routledge.
- Jameson F. (2007) *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. London: Verso Books.
- Karasik V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena (in Russian).
- Karasik V.I. (2015) Interpretatsiya diskursa. Topik, format, modus [Discourse interpretation: topic, format, mode]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 1(96): 73–79 (in Russian).
- Kozlova N.N. (2005) *Sovetskiye lyudi. Stseny iz zhizni* [Soviet people. Scenes from life]. Moscow: Yevropa (in Russian).
- Kupina N.A., Mikhaylova O.A. (eds.) (2009) *Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego: v 2-kh t.* [The Soviet past and the culture of the present: in 2 volumes] Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta (in Russian).

Lebina N. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and deviations. From the war communism to the big style]. Moscow: NLO (in Russian).

Makarov M.L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [The fundamentals of discourse theory]. Moscow: Gnozis (in Russian).

Manokhina A.D. (2018) Kul'tura sovetskoj povsednevnosti v ekspozitsiyakh istoricheskikh muzeyev Sankt-Peterburga. *Voprosy muzeologii*, 9(1): 83–92 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2018.108>.

Mitrofanov A.G. (2019) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskoj kommunalki* [Everyday life of a Soviet communal apartment]. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Morozov I.A., Sleptsova I.S. (2017) «Iskusstvo obnovleniya form»: skrytyye znaki traditsii i yeye dvizhushchiye sily [The Art of Renovating Forms: Hidden Symbols of Tradition and Its Driving Forces]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1: 109–122 (in Russian).

Morozov I.A., Sleptsova I.S. et al. (2019) *Logika transformatsiy: regional'naya i lokal'naya spetsifika kul'turnykh i yazykovykh protsessov* [The Logic of Transformations: Regional and Local Specificities of Cultural and Linguistic Processes]. Moscow: Indrik (in Russian).

Orlov I.B. (2010) *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskiy i sotsiologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow: VSHE (in Russian).

Shlyapentokh V.E., Shubkin V.N., Yadov V.A. (eds.) (1999) *Katastroficheskoye soznaniye v sovremennom mire v kontse XX veka (po materialam mezhdunarodnykh issledovaniy)* [Catastrophic consciousness in the modern world at the end of the twentieth century (based on international research)]. Moscow: MNF (in Russian).

Shmelev A.D. (2005) Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka [Spirit, soul and body in the light of the data of the Russian language]. In: Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevyye idei russkoj yazykovoy kartiny mira* [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury: 131–152 (in Russian).

Smirnov A.V. (2016) *Sovremennyy muzey: kommunikatsiya ili kommemoratsiya* [Contemporary Museum: Communication or Commemoration]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 3(24): 17–24 (in Russian).

Starovoytenko A.D. (2019) *Mezhdru nostal'giyey i retrotopiyey* [Between nostalgia and retrotopia]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 11: 125–135. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2019.18.7> (in Russian).

Teliya V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] Moscow: Yazyki russkoj kul'tury (in Russian).

Toffler E. (2004) *Shok budushchego* [Future Shock]. Moscow: AST (in Russian).

Utekhin I. (2004) *Ocherki kommunal'nogo byta* [Essays on communal life. 2nd ed.]. Moscow: O.G.I. (in Russian).

Vaskin A.A. (2018) *Povsednevnyaya zhizn' sovetskoj stolitsy pri Khrushcheve i Brezhneve* [Everyday life of the Soviet capital under Khrushchev and Brezhnev]. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya (in Russian).

Vayl P., Genis A. (1998) *60-ye. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The world of the Soviet man]. 2nd ed. Moscow: NLO (in Russian).

Vezhbitskaya A. (2001) *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through keywords]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (in Russian).

Vysotskiy V.S. (1997) *Sobraniye sochineniy v 4-kh knigakh. Kniga chetvertaya. Ya nikogda ne veril v mirazhi* [Collected works in 4 books. Book four. I've never believed in mirages]. Moscow: Nadezhda-1 (in Russian).

Yurchak A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'.* *Posledneye sovetskoye pokoleniye* [Everything was forever, until it was no more: The Last Soviet Generation]. Moscow: NLO (in Russian).

Zborovskiy G.Y., Shirokova Y.A. (2001) *Sotsial'naya nostal'giya: k issledovaniyu fenomena* [Social nostalgia: regarding research of the phenomenon]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 8: 31–34 (in Russian).

Zubkova Y. (2019) *Sovetskaya zhizn' kak predmet istoricheskoy rekonstruktsii* [Soviet life as a subject of historical reconstruction]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 5: 3–14. doi: 10.31857/S086956870006372-0 (in Russian).